

Азиз Шохакимов: «Честность в музыке превыше всего» | Aziz Shokhakov: "L'honnête en music est au-dessus de tout"

Автор: Надежда Сикорская, [Люцерн](#) , 13.08.2014.



Дирижер Азиз Шохикимов

Мы продолжаем знакомить вас с молодыми музыкантами – выходцами из бывшего СССР, раскрывающими свои таланты в Швейцарии. С узбекским дирижером Азизом Шохакимовым мы познакомились в мае в Люцерне на фестивале «Волшебное озеро», проводимом при поддержке Фонда AVC.

|

Nous continuons une série de portraits de jeunes musiciens – ressortissants de l'ex-URSS dont les talents se révèlent en Suisse. Le chef d'orchestre ouzbèke Aziz Shokhakov a été notre révélation lors le festival lucernois « Zaubensee », soutenu par la Fondation AVC.

Aziz Shokhakov: "L'honnête en music est au-dessus de tout"

Наша Газета.ch: Азиз, я ничего не знаю о Вас, кроме того, что Вы из Узбекистана, и что получили премию Малера. Поэтому давайте начнем с начала. Во-первых, у вас изумительный русский язык, хотя Вы уже из того поколения, когда русский не был обязательным языком в узбекских школах. Как так получилось?

Дело в том, что я родился еще в Советском Союзе, я 1988 года рождения. Плюс – в Ташкенте, куда во время из Москвы и из Ленинграда были эвакуированы многие профессора, часть которых затем осталась в нашем городе. Мы, ташкентцы, очень многим обязаны этим людям, и мне повезло учиться у педагогов, которые в свою очередь учились еще у тех профессоров.

Например?

Например, мой педагог Владимир Неймер был концертмейстером в симфоническом оркестре в Ташкентском оперном театре, потом он решил заниматься дирижированием. Его отец из Киева, он сам был рожден в Киеве, но во время эвакуации семья в 1942 году переехала в Ташкент и так и осталась. в 1942 году, и он решил остаться в Ташкенте. Неймер – ученик Мухтара Ашрафи, выдающегося узбекского композитора, который в свое время учился в Петербургской и Московской консерваториях. Благодаря таким людям в нашей стране сохраняются классические традиции.

А в семье Вашей говорили по-узбекски или по-русски?

Мы используем два языка, но в основном русский. В школе я был в узбекском классе, было такое подразделение на русский и узбекский классы. Но русский язык все же преподавался, а сам я всегда говорил на русском.

Решение заниматься музыкой – это какая-то семейная традиция?

Вы знаете, мои родители – любители музыки и даже музыканты, но не профессионалы. У нас была группа, мы ходили по свадьбам. И я с детства имел возможность играть разную музыку разных народов: узбекскую, русскую, кавказскую, а также европейскую. Это было полезно для моего опыта, потому что я смог почувствовать разные музыкальные стили. В детстве меня мама спросила: «Хочешь быть скрипачом, пианистом, или хочешь в балет пойти, танцевать?» Я сказал, что хочу на скрипке поиграть. И как-то так все случайно получилось, хотя случайности, наверное, не случайны.

Я поступил в



музыкальную школу им. Успенского — это знаменитая в Ташкенте школа. Когда мне было 11 лет, параллельно начал заниматься вокалом. Довольно неплохо пел неаполитанские песни из репертуара Робертино Лоретти. Мой педагог по вокалу сказала мне: «Тебе нужно выступить с оркестром». Моя мама сделала запись и обратилась к профессору Владимиру Нейману, который руководил еще и школьным оркестром. Он послушал и не поверил, что это в Узбекистане кто-то так поет, потому что голос был действительно очень похож на Робертино Лоретти. Потом он пригласил меня выступить с его еврейским оркестром, и мой первый концерт пришелся на праздник Рош Ха-Шана, еврейский новый год, я точно помню, это было 5 октября 2000 года.

Через несколько месяцев после этого у меня голос начал меняться началась мутация, и педагог мне сказал: «Я чувствую, в тебе что-то есть, может, тебе стоит заняться дирижированием?» Я начал заниматься в 11 лет. Мне почему-то было очень легко физически делать все нужные упражнения и уже за две недели я их все освоил. А через год состоялся мой концерт с национальным студенческим оркестром, я дирижировал Пятую симфонию Бетховена — мне было почти 13.

Я играл в оркестре и работал как дирижер, поэтому я видел все изнутри. Я думаю, что это были самые большие преимущества в моей жизни — мой педагог и возможность работать с национальным студенческим оркестром.

Я начал выступать, меня считали вундеркиндом и тому подобное, но, когда мне было примерно 16-17 лет, произошло что-то вроде кризиса: я понял, что вундеркиндство уже закончилось, теперь, чтобы быть профессиональным музыкантом, нужно читать, заниматься, изучать музыку очень глубоко. Я понял, что весь предыдущий успех — это указание судьбы на то, чего я могу добиться, если буду работать. Только после я начал по-настоящему заниматься дирижерством. Я поступил в консерваторию в Ташкенте, когда мне было 18 лет, в 21 год был вторым на моем курсе.

Кто был Вашим педагогом в консерватории?

Тоже Владимир Неймер, он был мне как второй отец. Он, к счастью, еще жив, мы с

ним очень часто встречаемся. Мне вообще повезло с педагогами: они почему-то все были евреи, что в музыке не редкость, и я очень им всем был благодарен, чувствовал с ними со всеми какую-то связь. Вот так это все и развивалось.

В Советском Союзе была система выявления талантов, им помогали, их продвигали на конкурсах, была централизованная система — все шло из Москвы. А как сейчас с этим в Узбекистане? Насколько Вам трудно попасть на конкурс, получить информацию?

Мне повезло, потому что мне помогали. Не баловали, а именно помогали – моя семья, мой педагог. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, как это было важно.

А как Вы попали на конкурс Малера, проводящийся в немецком городе Бамберг под патронатом внучки композитора?

Этот конкурс оплачивает все: и проезд, и проживание, но сначала надо пройти отборочный тур. Было 289 заявок из 40 стран, а прошло только 12 человек. Я немного боялся, потому что у меня в кармане было всего 200 евро, а правило такое, что если вы не проходите на следующий раунд, вам уже гостиницу не оплачивают, билет тоже не меняют — приходится самому оплачивать. Я был очень расстроен после первого тура, потому что, на мой взгляд, выступил очень неудачно, но через два дня был ответ: я был первым в списке прошедших.

Я очень обрадовался, конечно! Вы понимаете, в Узбекистане, не зная традиций европейских оркестров, готовиться к управлению немецким оркестром было трудно, ведь у него есть своя специфика: очень часто немецкий оркестр играет сзади, то есть после доли.

А каким произведением Вы должны были дирижировать?

Четвертая симфония Малера, третья часть, финал. И еще одно современное произведение. Музыка красивая, я ее очень люблю, но было сложно управлять оркестром.

Сколько было репетиций?

Бе



Азиз Шохакимов и Даниил Трифонов после концерта в Люцерне

з репетиций. Просто дается полчаса или 40 минут, вы выходите, можете проиграть насквозь, как вы желаете, но надо показать свое мастерство.

Мне еще помогло то, что Бамберг находится ближе к Чехии, это Бавария, и там сохранились какие-то традиции: строгость и восприятие дирижера. Сейчас отношения между оркестрами и дирижерами стали очень дипломатичными: например, дирижер сейчас не может выйти и сказать оркестру: «Не вместе» - это будет уже грубо звучать. Я очень часто употреблял эти слова, потому что из-за того, что у нас не было много возможностей выезжать за границу, я учился по книгам, записям и наблюдениям тех дирижеров, которые работали 40-50 лет назад, а тогда все было строго.

Так что на конкурсе я тоже не церемонился, вел себя, как я теперь понимаю, очень-очень грубо, но они молодцы — Бамбергский оркестр очень хороший, и они, видимо, разглядели, что если я так себя веду, то во мне, наверное, есть что-то, что я говорю правильно и имею на это какое-то право.

Записи каких дирижеров Вы смотрели? Кто были Вашими, так сказать, заочными учителями?

Мне очень нравится, как индусы говорили раньше: «Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но каждый тебе учитель». Я учился у всех, и у плохих тоже, как не надо, и у хороших, как правильно. Видимо, дирижирование, как я понимал, когда был немножко моложе — это техника, это показ. Важно то, как ты это делаешь руками. Теперь для меня стало важно другое: то, что ты несешь в себе, внутри, потому что если у тебя нет внутри музыки, ты не можешь это передать через свои жесты. Очень часто, если мы посмотрим на таких дирижеров, как Джордж Селл, Карл Бём, Евгений Мравинский, то видим, что они, в общем-то, очень сухо дирижировали, но настолько у них музыка шла изнутри, что им не требовалось визуальной демонстрации. Я сейчас дошел до такого уровня: пытаюсь больше концентрироваться на внутреннем, нежели на внешнем, сосредотачивать свою энергию, а это очень сложно.

Но Мравинский так долго работал со своим оркестром, что музыканты буквально понимали каждое движение его бровей.

Да. И, опять-таки, у каждого человека своя правда. Вот Бернштейн, который буквально из кожи вон лез на концертах: буквально летал, танцевал. Это мне тоже очень близко. Но, конечно, зависит еще и от репертуара, и от оркестра и даже от концертного зала — все влияет. Иногда даже и погода, и усталость: вы понимаете, какая энергия нужна для оркестра, нужно ли их вдохновлять, или можно быть посуше, и они могут сами это сделать. Это все очень сложно почувствовать, а еще сложнее объяснить.

Ваше выступление в Люцерне — первое в Швейцарии?

По-настоящему, да.

Как Вы попали сюда? Кто на Вас вышел, так сказать?

Думаю, это устроил Луко Николи, наш с Даниилом Трифоновым общий менеджер из Италии. Мы уже давно хотели сыграть с ним вместе, ведь мы в одном менеджменте и одного возраста.

Studiomusica, где работает Луко, - довольно большое агентство, они устраивают для меня концерты в Италии и Швейцарии. А вообще у меня четыре менеджера, основной в Нью-Йорке: очень маленькая компания, которая занимается только несколькими артистами, но очень глубоко.

Сложно было договориться и с Трифоновым: у него очень много концертов, он очень рано стал известным. Но здесь есть опасность в том, что может потеряться качество, а для меня это очень плохо, потому что если я не честен с музыкой, я не могу спать. Если мы не честны с музыкой, то нам в музыке делать нечего, честность - превыше всего.

Где Вы постоянно живете?

В Ташкенте, с женой. Она вокалистка и преподает.

А как передвигаетесь? Ведь всюду нужны визы?

К сожалению, с визами действительно всегда какие-то проблемы, потому что это время, документы, волокита, бюрократия, но как-то получается поставить визу на полгода, на год.

Какие у Вас дальнейшие планы?

Следующий год очень интересен тем, что предстоит выступить с несколькими большими оркестрами: с Лондонским Филармоническим в их туре по Брайтону и Истборну, с Франкфуртским — во Франкфурте. И еще опера «Кармен» в Дюссельдорфе.

Есть ли у вас какая-то мечта? Например, оркестр, с которым Вам хотелось бы поработать, или произведение, которое хотелось бы исполнить?

В детстве у меня была мечта: Берлинская филармония. Сейчас она остается у меня где-то глубоко в душе. Но в данный момент моя мечта - это какой-то оркестр, может,

не класса Берлинской филармонии, но где я мог бы поработать достаточно, чтобы поднять уровень этого оркестра, поднять свой уровень, чтобы мы могли хорошо взаимодействовать, потому что обмен – это очень важно.

[фестиваль Волшебное озеро](#)

Source URL: <http://www.nashagazeta.ch/news/peoples/17936>